

Д.А. Цыганков

**С.М. СОЛОВЬЕВ В КОММЕМОРАТИВНОЙ ПРАКТИКЕ
СООБЩЕСТВА МОСКОВСКИХ ИСТОРИКОВ**

D.A. Tsygankov

**S.M. SOLOVIEV IN THE COMMEMORATIVE PRACTICE
OF THE COMMUNITY OF MOSCOW HISTORIANS**

Аннотация. К началу XX в. завершался процесс самоидентификации сообщества московских историков. Важную роль в коллективной памяти представителей московской школы историков играл образ Сергея Михайловича Соловьева, многолетнего профессора кафедры российской истории, автора «Истории России с древнейших времен», ректора университета, наследника традиций Т.Н. Грановского. Формирование коммеморативных традиций о Соловьеве связано с попыткой коллег Сергея Михайловича, инициированной профессором кафедры всеобщей истории В.И. Герье, торжественно и публично отметить в Московском университете выход в свет 25-го тома «Истории России с древнейших времен», что произошло в 1876 г. Несмотря на сопротивление министра народного просвещения Д.А. Толстого, запретившего официальные празднества, посвященные Соловьеву, в стенах Московского университета, почитатели Сергея Михайловича осуществили задуманное частным порядком. Юбилею был преподнесен ценный подарок и адреса от различных научных институций. Следствием этого события стало появление первых биографов Соловьева в Московском университете, в качестве которых выступили всё тот же Герье и тогда еще доцент Московской духовной академии В.О. Ключевский. Тексты учеников Соловьева легли в основу так называемого неявного знания о Соловьеве, «предания» об учителе, формировавшегося в сообществе московских историков. Ключевский сделал всё возможное для того, чтобы образ Соловьева стал знаковым для студентов-историков Московского университета рубежа веков. Даже формирование собственной школы, характерной чертой которой стали архивные исследования реформ в России в XVIII в., Василий Осипович попытался представить как следование заветам Соловьева. Однако Соловьев не стал столь же популярной фигурой в сознании студентов-

* *Цыганков Дмитрий Андреевич*, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России XIX века — начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Tsygankov Dmitry Andreevich, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Russian History of the Nineteenth — Early Twentieth Century, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

+7(495) 939-12-72; tsdm@yandex.ru

историков университета, как Т.Н. Грановский, память о котором активно сохранялась и в начале XX в. Во многом это связано с тем, что после смерти Ключевского в 1911 г. стала складываться мощная традиция поминовения самого Василия Осиповича, наследника Соловьева на кафедре.

Ключевые слова: сообщество московских историков, неявное знание, личностное знание, школа В.О. Ключевского, коммеморативная практика, историческая память.

Abstract. The process of self-identification of the community of Moscow historians was nearing completion by the early 20th century. The image of Sergei Mikhailovich Soloviev, long-term professor of the Department of Russian History, author of the *History of Russia from Earliest Times*, rector of the university, heir to T.N. Granovsky's traditions, played an important role in the collective memory of the representatives of the Moscow school of historians. The formation of commemorative traditions about Soloviev was associated with his colleagues' attempt, initiated by professor of the Department of World History V.I. Guerrier, at solemnly and publicly celebrating the publication of the 25th volume of the *History of Russia from Earliest Times* at Moscow University in 1876. Despite the resistance of the Minister of Public Education D.A. Tolstoy, who banned the official celebrations in honor of Soloviev at Moscow University, his admirers held them privately. The hero of the day was presented with a valuable gift and congratulatory addresses from various academic institutions. One of the consequences of this event was the appearance of the first biographers of Soloviev at Moscow University, V.I. Guerrier and at that time docent of the Moscow Theological Academy V.O. Klyuchevsky. The texts of Soloviev's disciples formed the so-called implicit knowledge about him, the "legend" about the teacher in the community of Moscow historians. Klyuchevsky did his best to make the image of Soloviev significant for the students of history at Moscow University at the turn of the century. He even tried to explain the foundation of his own school with its characteristic emphasis on archival studies of the reforms in the 18th-century Russia as following Soloviev's precept. However, among the university students of history the latter did not become as popular as T.N. Granovsky, whose memory persisted even in the early 20th century. This was largely due to the fact that a strong tradition of commemoration of Klyuchevsky, heir to Soloviev at the department, emerged immediately after his death in 1911.

Keywords: the community of Moscow historians, implicit knowledge, personal knowledge, school of V.O. Klyuchevsky, commemorative practice, historical memory.

* * *

Плодотворная деятельность Сергея Михайловича Соловьева, профессора кафедры российской истории Московского университета, ректора Московского университета и автора «Истории России с древнейших времен», сопровождалась множеством как критических, так и апологетических заметок публицистического, академического, специально научного характера¹. В этих откликах

¹ См.: С.М. Соловьев Персональный указатель литературы (1838–1981). М., 1984.

на результаты трудов историка обсуждались вопросы философии истории, теории истории, подхода к тем или иным источникам, историческим эпохам и лицам, характерным для Сергея Михайловича². Рассмотрение всего объема источников и литературы, связанных с этой проблематикой, неоднократно уже подвергавшейся анализу специалистов³, не входит в нашу задачу. У нас иная цель: выявить отношение к интеллектуальному наследию Соловьева со стороны его преемников, преподавателей Московского университета, которые целенаправленно формировали традиции сообщества московских историков⁴ на основе опыта собственных учителей. В этом отношении наша работа приближается к современным исследованиям исторической памяти, в которых вопросам формирования коммеморативных практик уделяется пристальное внимание⁵.

Для достижения поставленной цели мы рассмотрим причины обращения к наследию Соловьева со стороны представителей общества московских историков, изучим источники формирования представлений о Сергее Михайловиче. Наконец, воссоздадим сконструированный наследниками образ Учителя, указав на общее и особенное в восприятии Соловьева его последователями.

Для начала отметим, что создание образа С.М. Соловьева как общего Учителя всех московских историков начинается довольно поздно, но еще при жизни Сергея Михайловича. Поводом послужил

² Подробнее см.: *Сахаров А.М.* История России в трудах С. М. Соловьева // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1971. № 3; *Колесник И.И.* И.Д. Беляев о географическом факторе в «Истории России» С.М. Соловьева // Некоторые вопросы отечественной историографии и источниковедения: Сб. научных трудов. Днепропетровск, 1977; *Колесник И.И.* М.П. Погодин об «Истории России» С.М. Соловьева // Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения: Сб. научных трудов. Днепропетровск, 1976; *Колесник И.И.* Родовая теория С.М. Соловьева в оценке К.С. Аксакова // Некоторые вопросы отечественной историографии и источниковедения: Сб. научных трудов. Днепропетровск, 1977; *Цамутали А.Н.* Борьба течений в русской историографии. Л., 1977; *Цимбаев Н.И.* Сергей Соловьев. М., 1990.

³ Из последних работ на эту тему см.: *Кучурин В.В.* Жизнь и творчество С.М. Соловьева в отечественной историографии // Отечественная культура историческая мысль XVIII–XX вв.: сборник статей и материалов. Вып. 5 / Под ред. А.М. Дубровского. Брянск, 2019.

⁴ *Цыганков Д.А.* Сообщество московских всеобщих историков во второй половине XIX века // Terra Eurora: интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX века. М., 2014.

⁵ *Корзун В.П., Колеватов Д.М.* Мемориальные и юбилейные события в жизни научного сообщества как культурные практики самоидентификации // Культура и интеллигенция России: Инновационные практики, образы города, юбилейные события. Историческая память горожан. Материалы VII Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 35-летию основания ОмГУ им. Ф.М. Достоевского. Омск, 2009.

выход в свет ноябре 1875 г. юбилейного 25-го тома «Истории России с древнейших времен»⁶.

В самом начале 1876 г. профессор кафедры всеобщей истории Московского университета В.И. Герье обратился в Министерство народного просвещения с просьбой публично отметить это событие: «Русская историческая наука считает появление этого тома известной точкой в своей истории, ибо впервые она может указать на самостоятельный систематический труд, объединяющей всю историю Русского народа вплоть до 2-й половины XVIII в., приступающий уже к царствованию Екатерины Великой. Громадный труд глубоко почитаемого ученого не окончен и времени окончания его предвидеть никто не может. Вот причины, вследствие которых в среде многочисленных слушателей, учеников и почитателей С.М. Соловьева явилась мысль, не ожидая окончания его труда, уже теперь, руководствуясь общепринятой юбилейной цифрой “25”, представить с своей стороны чувства уважения и благодарности автору такого произведения и чем-нибудь отпраздновать 25-летие. В исполнение этого всеобщего желания некоторые лица, занимающиеся русской историей и преподаватели той же науки в высших и средних заведениях Москвы, а именно профессора Университета: В.И. Герье, проф. Духовной академии В.О. Ключевский, преподаватель Лазаревского института Г.И. Кананов и преподаватели классических гимназий: Ф.Э. Будде, М.И. Владиславлев, Н.И. Кареев, И.А. Лебедев, В.Ф. Марконет, В.М. Михайловский, П.П. Мельгунов, В.А. Фукс — решили принять на себя инициативу в деле столь тесно связанном с предметом их занятий. Поэтому вышеозначенные лица при посредничестве председателя В.И. Герье имеют честь покорнейше просить Ваше Сиятельство исходатайствовать им Высочайшее разрешение:

1. Составить из себя Комитет для юбилейного празднования выхода в свет 25-го тома “Истории России с древнейших времен” Сергея Михайловича Соловьева.

2. Открыть свои действия приглашением, как письменно, так и через опубликование в газетах ко всем сочувствующим целям комитета принять участие в предполагаемом юбилейном праздновании, а также открыть публичную подписку для покрытия предполагаемых расходов.

3. На собранные по подписке деньги вычеканить особую на этот случай заказанную медаль, проект рисунка которой при сем прилагается, и образованные оттиски ее раздать в воспоминание всем участникам юбилея. Оставшуюся же, за исключением медали, сумму

⁶ См., например: *Бестужев-Рюмин К.Н. XXV-летие «Истории России»* С. М. Соловьева, 1851–1876 // *Русская старина*. 1876. Т. XV. № 3. С. 679–685.

комитет употребит на премию за сочинение по Русской истории или на другую какую-либо учено-благотворительную цель»⁷.

Неожиданно для Герье он получил официальный отказ в проведении торжественных мероприятий от министра народного просвещения Д.А. Толстого. Профессор попытался добиться своей цели с помощью товарища министра, князя А.П. Ширинского-Шихматова, с которым был хорошо знаком. Герье попросил у высокопоставленного чиновника совета относительно возможности решения вопроса через министра внутренних дел. Однако от Ширинского-Шихматова Герье также получил неутешительные известия: «... не могу сказать ничего для Вас приятного. Граф Дмитрий Андреевич остался при высказанном им уже мнении. Если Вы обратитесь к министру внутренних дел, то по такой просьбе, конечно, спросят заключения министра народного просвещения, а граф не изменит своего взгляда и не согласится с Вашим — противоположным. Лучше не возобновлять об этом речи. Вот мое мнение»⁸.

Почему министр народного просвещения не дал своего согласия? По всей видимости, причиной стала позиция либерального крыла профессоров Московского университета, фактически отказывавшегося сотрудничать с министерской комиссией, собиравшей материал для пересмотра университетского устава 1863 г.⁹ Таким образом, можно предположить, что министр рассматривал Соловьева как вдохновителя тех профессоров-публицистов, которые на страницах толстых журналов вели полемику со сторонниками пересмотра устава 1863 г.¹⁰ К этой позиции министра могла подталкивать и личность ходатая за проведение празднования юбилея Соловьева — Герье. Именно этот ученый был в центре публицистической полемики. Косвенно об этом свидетельствует и сам Герье. В воспоминаниях¹¹ он увязывает между собой обсуждение в бюрократическом Петербурге его статьи о положении университетов в России¹² и отказ в праздновании юбилея С.М. Соловьева. Герье объяснял позицию министра влиянием на него

⁷ Герье В.И. Юбилей С. М. Соловьева // Terra Euora: интеллектуальной пространство московских историков второй половины XVIII века / Под общей редакцией Д.А. Цыганкова. М., 2014. С. 204–205.

⁸ НИОР РГБ. Ф. 70. К. 56. Ед. хр. 41. Л. 1.

⁹ См.: Щетинина Г.И. Университеты в России и устав 1884 года. М., 1976. С. 49–69.

¹⁰ См. подробнее: Котов А.Э. «Дело профессора Любимова»: власть и общество в борьбе за университет // Котов А.Э. «Царский путь» Михаила Каткова. Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов. СПб., 2016. С. 91–134.

¹¹ Герье В.И. Юбилей С.М. Соловьева. С. 206–207

¹² Герье В.И. Свет и тени университетского быта // Вестник Европы. 1876. № 2. С. 646–709.

И.Д. Делянова. Характерен ответ Толстого на просьбу Герье, направленный попечителю Московского учебного округа: «При всем моем желании удовлетворить такому ходатайству почитателей ученых и обширных трудов г. Соловьева я однако же не решаюсь утруждать государя императора этим ходатайством, т. к. выход в свет какого бы то ни было тома ученого труда не может еще быть признан достаточным поводом для устройства официального торжества в честь частного лица, находящегося на службе»¹³.

Герье позиция министерства не смутила. В мае 1876 г. профессор кафедры всеобщей истории Московского университета заказал московскому ювелиру П.А. Овчинникову серебряный бювар на основе рисунка художника В.И. Шервуда. Осенью 1876 г. представители сообщества московских историков все-таки сумели организовать празднество, посвященное Сергею Михайловичу. Исторiku был поднесен ценный подарок и прочтен адрес: «Сергей Михайлович. Не только те, для которых история России представляет предмет научного интереса, но и все русские люди, которым дорога судьба исторического их отечества, высоко ценят Ваше имя и с глубоким сочувствием следят за Вашей ученой деятельностью. В течение 25 лет каждый год Вы приносили им из глубоких архивных рудников ряд обработанных фактов, увеличивающих собою прочный запас нашей исторической науки. Ждать новый том стало для них потребностью, и они наперед привыкли заносить с нетерпением ожидаемый новый том в число своих ежегодных научных приобретений. Начав с первых ростков русской народности, показавшихся на исторической почве, Вы верным и безустанным шагом шли все дальше и дальше в чашу разливавшейся жизни России, поднимая не тронутые Вашими предшественниками нови. Теперь Вы стоите у колыбели поколения, к детям которого принадлежите сами. Вы уже рассказываете о явлениях, среди которых родились понятия и чувства, понятные многим из нас, как впечатления молодости. При вашей преданности науке и неослабной энергии в трудах Вы доведете рассказ до той исторической минуты, когда Ваши изыскания встретятся с Вашими воспоминаниями и ученое сказание историка сменит повесть наблюдателя современника. Это искреннее наше желание и, когда оно исполнится, прошедшее России впервые будет рассказано человеком, мысль которого руководилась не минутным настроением современного ему общества, а разумом исторических фактов. Эти чувства и желания мы сочли обязанностью высказать Вам по поводу выхода тома, завершившего первое двадцатипятилетие Вашего обширного труда, и мы уверены, что к тесному кругу лиц, принявших участие в нашем

¹³ ЦГА г. Москвы. Ф. 459. Оп. 2. Д. 3767. Л. 5.

заявлении, присоединились бы, если бы им была дана возможность, все почитатели русской исторической науки»¹⁴.

О поднесении подарка юбиляру сообщил журнал «Древняя и Новая Россия» С.Н. Шубинского¹⁵, официальные адреса Соловьеву были присланы Санкт-Петербургским университетом и Академией наук¹⁶. Авторами юбилейного текста в «Древней и Новой России», как и «московского» адреса, стали В.И. Герье и В.О. Ключевский. Это был первый коммеморативный текст о Соловьеве, написанный от имени сообщества московских историков. Отдаленным следствием празднования юбилея стало учреждение в Московском университете стипендии имени С.М. Соловьева для подготавливающихся к профессорскому званию по истории, а также появление двух первых университетских биографов Сергея Михайловича — Герье и Ключевского.

В силу своего положения на факультете среди историков Владимир Иванович Герье был склонен к тому, чтобы осмысливать то влияние, которое оказали его предшественники на создание традиций подготовки историков в Москве, профессионализацию исторических исследований. Герье написал тексты, посвященные всем своим учителям¹⁷: Грановскому¹⁸, Кудрявцеву¹⁹, Соловьеву²⁰. Он считал, что именно это трио сформировало к середине XIX в. определенное предание сообщества московских историков: «По смерти Грановского и Кудрявцева он (С. М. Соловьев. — Д.Ц.) стал в университете главным представителем исходившего от них предания и был в нем центром для людей, особенно дороживших этим преданием»²¹.

Интересен сам термин, используемый Владимиром Ивановичем, — предание. С его точки зрения важными являются не только труды Учителей, но и их заветы, интенции, опыт, т.е. тот дух, который

¹⁴ Герье В.И. Юбилей С.М. Соловьева. С. 209–210. С изменениями см.: Двадцатипятилетие Истории России С.М. Соловьева // Древняя и Новая Россия. 1877. № 1. С. 110–111.

¹⁵ Двадцатипятилетие Истории России С.М. Соловьева // Древняя и Новая Россия. 1877. № 1. С. 110–111.

¹⁶ Еще ранее вышла статья К.Н. Бестужева: *Бестужев–Рюмин К.Н. 25-летие «Истории России» С.М. Соловьева. 1851–1876* // Русская старина. 1876. Т. XIV.

¹⁷ См. об этом в работе: *Иванова Т.Н. Научное наследие В.И. Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX — начало XX века)*. Чебоксары, 2010.

¹⁸ Герье В.И. Тимофей Николаевич Грановский. В память 100-летнего юбилея со дня рождения. М., 1914.

¹⁹ Герье В.И. П.Н. Кудрявцев в его учено-литературных трудах // Вестник Европы. 1887. № 9. С. 146–198; № 10. С. 564–598

²⁰ Герье В.И. Сергей Михайлович Соловьев // Исторический вестник. 1880. № 1. С. 74–111.

²¹ Там же. С. 110.

они завещали сообществу московских историков. Этот духовный опыт Соловьева Герье и анализирует в своей мемориальной статье.

Герье верно подмечает, что в середине века общим стремлением было создавать национальные истории, базирующиеся на серийных источниках. Оценивая итоги этой работы Соловьева, Герье писал: «То, чего не дали своему народу первоклассные историки других стран — национальную историю, которая соединяла бы научную обработку истории с творческим воспроизведением ее, то дал русским Сергей Михайлович Соловьев»²². По мнению Герье, «История России с древнейших времен» должна быть признана национальной историей, потому что в ней впервые исторический материал, необходимый для такого труда, собран и исследован в надлежащей полноте; эта история написана в национальном духе, т.е. в ней верно схвачены существенные черты и форма исторического развития нации; эта национальная история написана в строго-научном направлении; она удовлетворяет всем требованиям и приемам современного исторического знания и имеет право на почетное место в европейской науке; наконец это национальная история, написанная при полном освещении современного европейского образования, в свою очередь стала проводником его в Русском обществе; она проникнута гуманным, общечеловеческим началом и потому имеет важное культурное значение в истории русского просвещения, представляет собою национальное произведение в истинном, высоком смысле этого слова»²³.

Что же позволило Соловьеву состояться как национальному историку? На первое место Герье поставил присущий Соловьеву реализм, склонность глубоко и тонко чувствовать национальные ценности. Удивительно, указывает Герье, что Соловьев стал певцом государства, когда русские интеллектуалы, видя охранительную косность николаевской действительности, всячески восставали против него. Герье объяснял это тем, что «политический смысл, который побуждал Русский народ всегда стоять за государство, несмотря на его суровые формы, и покорно нести тяжелое тягло, — был в сильной степени прирожден Соловьеву»²⁴.

Важную роль в формировании Соловьева как национального историка, по мнению Герье, сыграла вера Сергея Михайловича. Соловьев был «страстным приверженцем прогресса», но в области религии он его отрицал. Прогресс, по Соловьеву, был явлением земным и не вечным, а потому в итоге «человечество должно было одряхлеть и умереть», но стремление к совершенству, побудителем

²² Герье В.И. Сергей Михайлович Соловьев. С. 76.

²³ Там же. С. 76–77.

²⁴ Там же. С. 81.

которой становилась вера, было фактором самосовершенствования человечества. Прогресс, по Соловьеву, происходил от невозможности приблизиться к идеалу, он есть «произведение слабости человеческих средств и высоты религиозных требований»²⁵. Прогресс — фактор исторического процесса, вызванный религиозными воззрениями, внутренним миром человека, настаивал Соловьев.

Важное воздействие на формирование Соловьева как мыслителя оказал европейский гуманизм. Соловьев никогда не стал бы национальным историком, если бы не принадлежал общеевропейскому гуманистическому движению, которое посредством идеалистической философии внесло «в духовный мир человека понимание истории, идею законного, мирного, органического развития, идею прогресса и политический либерализм, которому положил прочное основание переворот 1789 года»²⁶, — указывал Герье. При этом, по мнению профессора всеобщей истории, близкие к Московскому университету западники «не замену национального западным ставили... себе целью, а воспитание Русского общества на европейской универсальной культуре, чтобы поднять национальное развитие на степень общечеловеческого, дать ему мировое значение»²⁷.

Соловьев, по мнению Герье, обнаружил естественную связь между Древней и Новой Россией. В результате эпоха петровских преобразований стала внутренне необходимой, органичной. Соловьев сделал историю примирительницей веков, а русскую историю частью истории цивилизованного мира. Соловьев показал перспективу развития на будущее: в новом обществе должны были проявиться те тенденции, которых не было в Древней России. Русское общество через историю Соловьева восставало против разрозненности сил, непривычки к общему делу, отсутствия самодеятельности, неспособности начинать новое дело²⁸.

Национальная история Соловьева, по мнению Герье, соединяла прошлое и настоящее России, примиря русское государство, общество и личность в историческом движении в будущее, показывая те жертвы, которые вынуждены были приносить все субъекты российского исторического процесса ради существования того единого целого, которое для всех было ценностью, — российского государства. Именно такой взгляд на русскую историю стал своего рода национальным самосознанием русского общества середины XIX в., выразителем которого и был Соловьев.

²⁵ Герье В.И. Сергей Михайлович Соловьев. С. 82.

²⁶ Там же. С. 83.

²⁷ Там же. С. 84.

²⁸ Там же. С. 108. Герье цитирует статью Соловьева «Исторические письма».

Интересно отметить, что на первое место Герье поставил культурное и общественное значение труда Соловьева, крепко связав его труд с духом эпохи Великих реформ. Примирение разных социальных сил, воспитание доверия к государственным и общественным институтам, изживание враждебности в обществе Соловьев считал практическими задачами профессионального историка, и с этими мыслями обращался к своим студентам. Труд национального историка «должен способствовать установлению правильного взгляда на настоящее, установляя правильный взгляд на отношение настоящего к прошедшему»²⁹.

Однако выделил Герье и достижения Соловьева как исследователя-профессионала. Так, Соловьев одним из первых поставил вопрос о влиянии природы на историю страны. Из истории Соловьева читатели хорошо усвоили, что течение Волги удалило русских князей от Европы. Отсутствие гор и каменных построек стали одним из факторов создания принципиально отличным от европейского русского общества, что впоследствии заставило русское правительство гораздо сильнее воздействовать на него, добиваясь объединения страны, чем это было в той же Европе. Постоянное соседство со степью, ее враждебность лесу также поглощало творческие силы русского народа и вело к замедлению исторического процесса в сравнение с европейским, выводя на авансцену истории гипертрофированное государство.

Постановка этих вопросов привела Соловьева к убеждению, что в основе исторического процесса и в Европе, и в России лежат одинаковые факторы развития, а сам исторический процесс является единым и всеобщим по сути. Соловьев активно применял сравнительно-исторический метод, часто прибегал к методам аналогий для объяснения русской истории. До Соловьева это делал Грановский на материалах всеобщей истории. Однако при Соловьеве начался обратный процесс: всемирно-историческое рассмотрение того или иного явления происходило благодаря русскому материалу, это правильным образом масштабировало те или иные русские явления.

В результате применения новых методов для изучения прошлого под пером Соловьева стал выстраиваться органический процесс русской истории. Там, где историки-дилетанты не видели никакой связи, Соловьев успешно объяснял связь между прошлым и настоящим, показывал историю как единый процесс, который нужно изучать. «Как единый, разумный, величественный процесс развернулась история русского народа в труде Соловьева, от первобытного состояния до новых времен. Ясно, отчетливо следовали друг за другом в своей

²⁹ Герье В.И. Сергей Михайлович Соловьев. С. 99.

жизненной правде отдельные эпохи, каждая понятная в самой себе, и еще более осмысленная тем, что представлялась естественным последствием прежних, зародышем грядущих веков. История России не нуждалась более в схематическом распределении по логическим категориям, вытекавшим из понятия власти»³⁰.

В целом Герье стремился показать, что Соловьев был одним из самых ярких представителей эпохи великих споров между западниками и славянофилами. Многие идеи и ценности, ставшими трюизмами к 1880-м гг. (идея прогресса, идея гуманизма, идея истории как профессионального вида знания, представление о государстве как о школе для народа) добыты Соловьевым благодаря широкой, продуманной интеллектуальной работе в тише кабинета, которая одна только и может рождать мыслителей, создающих национальные интеллектуальные богатства. Работа Соловьева и есть проявление народного самопознания, которое нужно искать не в крестьянской избе, а в трудах национальных историков, каким был Соловьев.

Таким образом, национальная история Соловьева, по мнению Герье, становилась особым интеллектуальным продуктом для читающей публики. Она должна была стать источником формирования новых ценностей для нарождающегося русского общества, которое в стремлении к своему счастью не должно было сбрасывать со счетов фундаментальные ценности русского исторического процесса (государственность и вера), а также соединять жертвенность, религиозную по своей сути, с прогрессом, наследием гуманистической философии.

Соловьев, по Герье, таким образом, оказался в Московском университете хранителем предания Грановского и Кудрявцева³¹. Это предание должно быть живым, считал Герье, и делал всё возможное, чтобы его транслировать. Особые упования в этом деле были у него на Ключевского, которого он и пригласил участвовать в создании текста, посвященного юбилею «Истории России» Соловьева в 1876 г.

В совместной с Герье юбилейной статье 1877 г. Ключевский изобразил Сергея Михайловича как главу сообщества университетских историков, распространившего свои представления о науке среди широкого круга лиц, интересующихся историей: «С первых своих исследований С.М. Соловьев стал указателем известного направления в литературе русской истории, которое посредством книги или лекции подготавливало значительный круг людей не только к пониманию, но и к ученой обработке отечественной истории»³².

³⁰ Герье В.И. Сергей Михайлович Соловьев. С. 91.

³¹ Там же. С. 110.

³² Двадцатипятилетие Истории России С.М. Соловьева // Древняя и новая Россия. 1877. Т. 1. № 1. С. 107–113. Цит. по: Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах: Т. VII. Специальные курсы. М., 1989. С. 478.

При этом «История» Соловьева была вызовом нарративам по русской истории, созданным Н.М. Карамзиным и Н.А. Полевым. Первый руководствовался эстетическими и моралистическими задачами, второй был схематизатором, стремившимся в русских явлениях видеть полный аналог явлениям европейским. По мнению Ключевского, в отличие от предшественников, литератора и философа, Соловьев был трезвым реалистом, историком по отношению к фактам русской действительности. «Прежде чем подвергнуть отдельное явление анализу и обобщению, он бережно переносил его из летописи или акта на страницы своего рассказа, как археолог переносит выкопанный обломок в свою витрину. Отсюда его привычка рассказывать словами источника, его нелюбовь к заученной исторической терминологии и искусственному делению периодов, чем иногда прикрывалось недостаточное понимание смысла и связи событий: он первый восстал против этих *норманских, удельных и монгольских* периодов, потому что эти термины описывают время только с внешней стороны, но не захватывают главного русла русской жизни в те века»³³.

Методы работы Соловьева-реалиста (техника исследования) «не остались без влияния на нашу историческую литературу: писатели, которые по книге С.М. Соловьева учились так обращаться с фактами, не забудут, кто научил их этому, даже если разойдутся с ним в понимании основных фактов нашей истории»³⁴.

В целом из первой публикации Ключевского становилось понятно, что споры, сопровождавшие выходы первых томов «Истории» Соловьева (борьба с антиисторическим направлением — то, что было важно Герье), остались в прошлом. Труд Соловьева и есть образцовое произведение современного историка. Вместе с Соловьевым в историческую науку вносились идеи органического развития, прогресса, русская история рассматривалась как единый процесс в контексте всемирно-исторического процесса (прагматическая история в терминологии Ключевского).

Создание образа Соловьева как общественно-значимой фигуры и одного из столпов Московского университета Ключевский продолжил в речи о Соловьеве, подготовленной для «Отчета о состоянии и действиях Московского университета»³⁵ сразу после смерти Сергея Михайловича.

³³ Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах: Т. VII. С. 478.

³⁴ Там же.

³⁵ Впервые опубликовано: Ключевский В.О. С.М. Соловьев. Некролог (умер 4 октября 1879 г.) // Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Московского университета 12 января 1880. М., 1880. С. 51–73. Цит. по: Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах: Т. VII. С. 303–319.

Это самый академически фундированный текст Ключевского об учителе. Готовясь к написанию речи, Василий Осипович максимально расширил источниковую базу своей работы. Он использовал отдельные рецензии 1850–1860-х гг. на магистерскую и докторскую диссертации Соловьева, а также на первые тома его «Истории». Впервые в литературе о Соловьеве процитирована статья Сергея Михайловича «Парижский университет» из «Москвитянина»³⁶, в которой отчетливо высказан взгляд историка на миссию университета. Для воссоздания исторической концепции историка Ключевский обратился к основополагающим статьям Соловьева второй половины 1850-х гг., опубликованным в университетском журнале «Русский вестник» («Древняя Россия»³⁷; «Исторические письма»³⁸). Историком были привлечены воспоминания первых слушателей Соловьева. Вполне возможно, что Ключевский является одним из первых биографов Соловьева, кто получил доступ к воспоминаниям Сергея Михайловича («Мои записки для детей моих...»³⁹). Так, в его работе сообщается, что профессор Д.Л. Крюков хотел видеть Сергея Михайловича готовящимся к профессоруре по Древней истории. При этом Ключевский подчеркивает, что об этом он узнал со слов самого Соловьева, не уточняя, правда, данные ли это частного разговора с историком, или факты, полученные Ключевским при чтении воспоминаний Соловьева⁴⁰. При описании конфликта Соловьева с М.П. Погодиным (в литературе о Соловьеве это тема была обозначена впервые) называются конкуренты Соловьева на кафедре российской истории, о которых также можно было узнать из рукописных воспоминаний историка. Вполне возможно, что с воспоминаниями Соловьева Ключевского мог ознакомить разбиравший архив профессор Нил Александрович Попов⁴¹, женатый на дочери Соловьева. После 1881 г. архив Соловьева был разделен между наследниками (что стало причиной его частичной утраты), а часть воспоминаний Соловьева без согласия

³⁶ Соловьев С.М. Парижский университет: Письмо из Праги от 23 июня 1843 г. // Москвитянин. 1843. Ч. 4. № 8. С. 478–494.

³⁷ Соловьев С. М. Древняя Россия // Русский вестник. 1856. Т. 1. № 1. Кн. 1. С. 11–31. Ключевский называет это произведение «одной статьей 1857 года», что не верно с фактической точки зрения.

³⁸ Соловьев С.М. Исторические письма // Русский вестник. 1858. Т. 14. № 3. Кн. 1. С. 5–28; Т. 15. № 5. Кн. 2. С. 215–235; 1859. Т. 20. № 3. Кн. 1. С. 5–22.

³⁹ Первое отдельное книжное издание: Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других. Петроград, 1915. Далее цит. по изданию: Соловьев С.М. Избранные произведения. М., 1984.

⁴⁰ Ключевский В.О. Сергей Михайлович Соловьев (умер 4 октября 1879 года) // Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. 7. С. 303.

⁴¹ См.: Попов Н.А. Отрывки из творческой биографии С.М. Соловьева, составленный по его бумагам // НИОР РГБ. Ф. 285. Оп. VI. Д. 9.

всех родственников опубликовал один из его сыновей — Всеволод⁴². Интересно отметить, что Ключевский больше никогда не ссылался на эти воспоминания, по мнению современников, имевших оттенок скандальности⁴³. Между тем, другой зять Соловьева именно на этом источнике написал биографию Сергея Михайловича для биографического издания Ф. Павленкова⁴⁴.

В статье Ключевского появляются и новые темы, связанные с его проникновением в творческую лабораторию Соловьева. Так, Василий Осипович попытался ответить на вопрос, как связано содержание курсов по истории России Соловьева в университете с его «Историей России» (интересно отметить, что и сам Соловьев в своих «Записках» задается этим вопросом), полностью восстановил концепцию русской истории Соловьева⁴⁵. Общий подход Ключевского к Соловьеву чем-то напоминают цитату из Грановского, которая находится в «Записках» Сергея Михайловича: «Мы все вступили на кафедры учениками, а Соловьев вступил уже мастером своей науки, то есть науки русской истории»⁴⁶. По Ключевскому выходило, что окрепший философски Соловьев, выбравший единственно правильный путь — путь создания научной истории, стал транслировать с кафедры уже продуманные, выстраданные представления об органическом развитии русской истории. Соловьев вступил на кафедру русской истории человеком со сложившимся мировоззрением.

Соловьев у Ключевского, таким образом, занял определенную нишу в развитии научной истории в России, главным его наследием становились книги и мысли, потому что «в жизни ученого и писателя главные биографические факты — книги, важнейшие события — мыс-

⁴² Из неизданных бумаг С.М. Соловьева / Вступ. статья Вс.С. Соловьева // Русский вестник. 1896. Т. 242. № 2. С. 1–284; Т. 243. № 3. С. 53–71; № 4. С. 1–26; № 5. С. 113–149. Отклик родственников см.: *Соловьев Вл.С., Соловьев М.С.* Письмо к редактору: По поводу «извлечений» из «Записок» историка С.М. Соловьева и ответ редакции // Вестник Европы. 1896. Кн. 4. С. 889; Нотариальное заявление г. Всеволода Соловьева по поводу издания «Записок» историка С.М. Соловьева и ответ редакции // Вестник Европы. 1896. Кн. 5. С. 440–443; *Соловьев Вл.С.* Сергей Михайлович Соловьев: Несколько данных для его характеристики // Вестник Европы. 1896. Кн. 6. С. 689–708; *Соловьев Вс.* Необходимое объяснение // Русский вестник. 1896. Т. 244. № 5. С. 334–338.

⁴³ О «Записках» как историческом источнике в оценках современных историков см.: *Киселева Ю.А., Антощенко А.В.* Эмоциональный мир автобиографии С.М. Соловьева // Отечественная культура историческая мысль XVIII–XX вв.: сборник статей и материалов. Вып. 5 / Под. ред. А.М. Дубровского. Брянск, 2019.

⁴⁴ *Безобразов П.В.* С.М. Соловьев: Его жизнь и научно-литературная деятельность. Биографический очерк с портретом. СПб., 1894.

⁴⁵ Концепция не разбирается в данной статье, поскольку это не обязательно для темы нашего исследования.

⁴⁶ *Соловьев С.М.* Записки для детей моих... // Соловьев С.М. Избранные произведения. С. 292.

ли». А в «истории нашей науки и литературы было немного жизни, столь же обильных фактами и событиями, как жизнь Соловьева»⁴⁷. Правда, Ключевский мимоходом отметил, что еще в 1843 г. Соловьев писал о «святом союзе» между русским обществом и университетом, однако эту тему в 1880 г. Ключевский не раскрыл.

Следующее обращение Ключевского к образу Соловьева приходится на 1890-е гг. В это время в рамках исторического общества при Московском университете, созданном В.И. Герье, ядро которого составляли, однако, так называемые «павликаны» — студенты и ученики П.Г. Виноградова (одним из инициаторов был и П.Н. Милюков), проводятся заседания, посвященные памяти отцов-основателей исторической науки в Московском университете. И если традиция памяти о профессоре кафедры всеобщей истории в Московском университете — Т.Н. Грановском — была достаточно развитой⁴⁸, чему свидетельством были студенческие воспоминания⁴⁹, популярные, научно-популярные и академические книги о нем⁵⁰, то относительно кафедры российской истории подобного предания и его толкования не было. Понимая это, Ключевский попытался создать образ Соловьева-учителя, который он хотел актуализировать для современных студентов и частично противопоставить его традициям кафедры всеобщей истории.

Как следствие, Ключевский поменял акценты в изображении Соловьева. Вместо мыслителя, погруженного в работу над историей в запертом от посторонних кабинете, он нарисовал портрет профессора-проповедника и воспитателя: «Преподавание принадлежит к разряду деятельностей, силу которых чувствуют только те, на кого обращены они, кто непосредственно испытывает на себе их действие; стороннему трудно растолковать и дать почувствовать впечатление от урока учителя или лекции профессора. В преподавательстве много индивидуального, личного, что трудно передать и еще труднее воспроизвести. Писатель весь переходит в свою книгу, компози-

⁴⁷ Ключевский В.О. С.М. Соловьев... С. 319.

⁴⁸ Цыганков Д. А. Т.Н. Грановский в коммеморативной практике сообщества московских историков // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2020. Т. 93.

⁴⁹ Еленев Ф.П. Магистерский диспут Грановского. Из студенческих воспоминаний Ф.П. Еленева // Русский архив. 1889. 69. Вып. 8. С. 564–568; Обнинский П.Н. Из воспоминаний юриста // Русский архив. 1892. Т. 77. Вып. 1. С. 100–118 и др.

⁵⁰ Станкевич А.В. Тимофей Николаевич Грановский (Биографический очерк). М., 1869; Плотников М.А. Тимофей Николаевич Грановский. По поводу сорокалетия со дня его смерти // Образование. 1895. № 10; Милюков П.Н. Университетский курс Грановского // Братская помощь пострадавшим в Турции армянам: литературно-научный сборник. М., 1898; Ветринский Ч. (В.Е. Чешихин) Т.Н. Грановский и его время: Исторический очерк. М., 1897; Лёвшин Д.М. Т.Н. Грановский (Опыт исторического синтеза). СПб., 1902.

тор — в свои ноты, и в них оба остаются вечно живыми. Раскройте книгу, разверните ноты, и, кто умеет читать то и другое, перед тем воскреснут их творцы. Учитель — что проповедник: можно слово в слово записать проповедь, даже урок; читатель прочтет записанное, но проповеди и урока не услышит»⁵¹.

Ключевский буквально рисует образ Соловьева как миссионера исторического знания среди студентов. Это кабинетный ученый, многое передумавший и решивший поделиться сокровенным с молодежью. Начиная лекцию, Соловьев явно воодушевляется, ему хочется импровизировать, именно говорить, а не читать лекцию. Перед слушателями стоит поэт-пророк «с закрытыми глазами, немного раскачиваясь на кафедре»⁵². Духовный подъем Соловьева на лекциях приводит к необычайному эффекту. Как педагог, Соловьев с двух сторон начинает освещать «излагаемые им исторические факты: одну из них можно назвать прагматической (об этом Ключевский подробно рассказывал в предыдущих статьях. — Д.Ц.), другую — моралистической.... Соловьев был историк-моралист: он видел в явлениях людской жизни руку исторической Немезиды или, приближаясь к языку древнерусского летописца, значение правды Божией. Я не вижу в этом научного греха, эта моралистика у Соловьева была та же прагматика, только обращенная к сознанию своею нравственною стороной, та же научная связь причин и следствий, только приложенная к явлениям добра и зла, помышления и воздействия. Соловьев был историк-моралист в том простом смысле, что не исключал из сферы своих наблюдений мотивов и явлений нравственной жизни. Кто из слушателей Соловьева не запомнил на всю жизнь этих нравственных комментариев, что “общество” может существовать только при условии жертвы, когда члены его сознают обязанность жертвовать частным интересом интересу общему, что уже первоначальное, естественное общество человеческое, семейство, основано на жертве, ибо отец и мать перестают жить для самих себя, что общество тем крепче, чем яснее между его членами сознание, что основа общества есть “жертва”, что “европейское качество всегда торжествовало над азиатским количеством” и что это качество состоит в “перевесе сил нравственных над материальными”, что величие древней Руси заключалось в сознании своих несовершенств, в сбереженной ею

⁵¹ Ключевский В.О. Соловьев как преподаватель // Издания исторического общества при Московском университете. М., 1896. С. 184–194. Цит. по: Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. 7. С. 320.

⁵² Там же. С. 322. Ключевский, обладая критическим даром, совершенно спокойно реконструирует те произведения Соловьева, к которым восходили его лекции — введение к 13 тому «Истории России», статьи («Начала русской земли», «Древняя Россия», «Исторические письма»; удивительно, что Ключевский не упоминает «Публичных чтений о Петре Великом»)

способности не мириться со злом, в искреннем и горячем искании выхода в положение лучшее посредством просвещения. Всё это, повторяю, довольно элементарно, но всё это должно быть продумано на студенческой скамье и только на ней может быть продумано, как следует»⁵³.

Фактически Ключевский при создании нового образа Соловьева делал профессора русской истории воспитателем русского юношества, подобным Грановскому. О том же вспоминал заставший раннего Соловьева К.Н. Бестужев-Рюмин: «Для него, как и для Грановского, история была наука, по-преимуществу воспитывающая гражданина. Для того и для другого поучительный характер истории заключался не в тех прямых уроках, которыми любила щеголять историография XVIII века и которыми богаты страницы Карамзина, где выставляются герои добродетели, как на Монтионовских состязаниях, в пример для подражания, чудовища порока, как спартанские пьяные илоты, в образец того, что следует избегать; нет, ни тот, ни другой из этих незабвенных профессоров не считал историю “зеркалом добродетели”, но каждый из них имел другую цель: они старались воспитать в своих слушателях сознание вечных законов исторического развития, уважение к прошлому, стремление к улучшению и развитию в будущем; они старались пробудить сознание того, что успехи гражданственности добываются трудным и медленным процессом, что великие люди суть дети своего общества и представители его, что им нужна почва для действия; не с насмешкою сожаления относились они к прошлому, но со стремлением понять его в нем самом и в его отношениях к настоящему: “Спроси человека, с кем он знаком, и мы узнаем человека; спроси народ об его истории, и мы узнаем народ”»⁵⁴.

Однако новый образ, представленный Ключевским, пришел в противоречии с воспоминаниями о Соловьеве студентов, заставших Сергея Михайловича на излете его преподавательской карьеры, в 1870-е гг. Так, Н.И. Кареев отмечал, что в отличие от искавших общения со студентами профессоров кафедры всеобщей истории, Соловьев к подобным коммуникациям не стремился и держал себя по отношению к молодежи настоящим генералом⁵⁵. Весьма распространенным был взгляд, что поздний Соловьев плохо готовился к лекциям и превращал их в публицистические споры со своими критиками. Зло и бестактно эту мысль подчеркнул П.Н. Милюков: «Я раз пошел на его лекцию. Профессор импровизировал, очень

⁵³ Ключевский В.О. Соловьев как преподаватель... С. 327.

⁵⁴ Первая публикация: Бестужев-Рюмин К.Н. С.М. Соловьев // ЖМНП. 1880. Ч. 207. № 2. С. 273–287. Цит. по: Бестужев-Рюмин К.Н. Биографии и характеристики (летописцы России). М., 1997. С. 215–216.

⁵⁵ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 121–122.

обобщая факты. Он говорил утомленным голосом о “жидком элементе” в русской истории. В который раз приходилось ему выжимать смысл из 28 томов его “Истории”! Но “жидкие элементы” проходили отвлеченными призраками и внимания слушателей не задерживали. В следующем году Соловьев умер»⁵⁶.

В результате попытка Ключевского показать Соловьева как педагога, оказавшего сильное влияние на студенческую массу, оказалась неудачной. Более того, в 1890-е гг. частыми стали разговоры, что в профессиональном отношении для нового поколения историков гораздо более важным является влияние, оказанное профессорами кафедры всеобщей истории, а у историков России нет строгой методы подготовки учеников⁵⁷. Вероятнее всего, именно под влиянием этой группы студентов в начале XX в. Ключевский создает новый портрет учителя, который может рассматриваться как программный текст «школы Ключевского»⁵⁸. Соловьев превращается в историка новой России, одного из немногих специалистов по истории XVIII в. (интересно отметить, что и в предыдущих работах о Соловьеве Ключевский не уделял много внимания Сергею Михайловичу как специалисту по средневековой России, утверждал, что тот при критике родовой теории часто соглашался с оппонентами⁵⁹), архивная разработка проблем которого становится визитной карточкой именно московских историков, резко выделяющих москвичей среди других сообществ историков в России.

Такой образ Соловьева был сконструирован Ключевским очень своеобразно. По мнению Ключевского, Сергей Михайлович вполне мог планировать создание 35-томной истории России, в которой 12 томов были предисловием, а остальные, из которых он успел написать лишь 17 из 23, посвящались XVIII в.⁶⁰ Под этим углом зрения главный вопрос, на который отвечал Соловьев в своем труде, это вопрос о древней и новой России, живая связь между которы-

⁵⁶ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 70.

⁵⁷ См. например: Шаханов А.Н. Русская историческая наука второй половины XIX — начала XX века. Московский и Петербургский университеты. М., 2003. С. 155–169.

⁵⁸ Ключевский В.О. Памяти С.М. Соловьева (умер 4 октября 1879 г.) // Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. 7. С. 329–344.

⁵⁹ «Его нравственный характер очень поучителен. Готовый поступиться многим в своей теории родовых княжеских отношений на Руси ввиду достаточных оснований, Соловьев не допускал сделок в нравственных отношениях; осторожный в решении научных вопросов, он был решителен в вопросах нравственных, потому что основные правила, которыми он руководился при решении этих последних вопросов, имели в его сознании значение не теории, а простой математической аксиомы». Цит. по: Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. 7. С. 334.

⁶⁰ Там же. С. 336–337.

ми — государственные преобразования XVIII–XIX вв. Фактически Ключевский подводил к тому, что проблематика диссертаций учеников Ключевского и есть выполнение завета учителя, которому Ключевский также обязан всем, что у него есть. Правда, по мнению Ключевского, который всегда был мастером афоризма, при изучении реформ в России нужно ответить не только на вопрос о том, как преобразования меняли Россию (что делал Соловьев), но и как Россия меняла реформы, что стало особенностью работ учеников Ключевского. Соловьев в последней статье Ключевского, посвященной учителю, превращался в родоначальника школы русских историков Московского университета, лидером которой на рубеже веков был сам Ключевский. В магистерских же диссертациях учеников Ключевского, некоторые из которых уже были защищены к моменту написания его статьи о Соловьеве, сообщество получало конкретные результаты рассмотрения реформ XVIII в. Интересно отметить, что именно вопрос о Ключевском как преемнике Соловьева охотно поддерживали и сами ученики Василия Осиповича.

Так, очень близок к Ключевскому в понимании Соловьева оказался М.М. Богословский, которого Ключевский попросил сделать доклад о своем учителе к заседанию, посвященному 25-летней дате со дня смерти Сергея Михайловича, проводившемуся в стенах Общества истории и древности российских.

Богословский, как и его учитель, резко разделил эпоху Карамзина, чьи тома к середине XIX в. задвигались читателями все дальше на полках, и эпоху Соловьева — эпоху научной истории. По мнению Богословского, Соловьев объединил две линии в изучении истории, проявлявшие себя в России во второй четверти XIX в.: линию от М.Т. Каченовского, где происходило изучение источников без их обобщения (к ней же Богословский относит и М.П. Погодина, фактически не упоминаемого в работах предшественников), и линию философов, где обобщения не базировались на хорошей источниковой базе. В «Истории России» Соловьева «мыслитель соединился с исследователем».

Особенностью Соловьева было чтение курса и написание «Истории...» с всемирно-исторической точки зрения: «жизнь человечества представляется ему как единый цельный исторический процесс, в котором действует закон развития. Этот процесс он рассматривает как одно из явлений природы, подлежащее такому же изучению, как и другие явления природы, например, космические или биологические. Он имеет всеобъемлющий характер, включая в себя все человечество, существующее на земле. Племя за племенем втягиваются в водоворот всемирной истории, принося каждое как общий вклад свои физиологические расовые особенности и бытовые черты, вы-

работанные в эпоху osobного существования. Так классический мир втянул в себя германцев, так за ними вступили в процесс славяне, далее наступила очередь монгольского востока»⁶¹.

Главной научной заслугой Соловьева Богословский считал указание на то, что история не только творится героями, но вынуждена и учитывать обратное воздействие на планы великих личностей со стороны массы, что и показывала история противостояния родовых и государственных начал, сопротивление реформам Петра.

Правда, Богословский, в отличие от Ключевского, показывал, что гармония между мыслителем и повествователем, характерная для первых томов «Истории России», исчезает после петровских преобразований. Соловьев не сумел до конца переосмыслить тот архивный материал, который был у него под руками.

Интересны выводы Богословского. Они критичны: «Едва ли кто в наши дни серьезно станет ставить себе задачей написать историю России в таком же фактическом изложении, как это пытался сделать Соловьев... Теперь работа расчленилась: фактическое изучение процесса возможно только в монографиях, посвященных только одной его стороне... заслуга Соловьева заключается в том, что он выдвинул само понятие об историческом процессе как едином целом, естественном явлении»⁶². Фактически Богословский возвращался к раннему Ключевскому, показывая, что наследие Соловьева, скорее в трудах историка, нежели в его преподавательской деятельности. И что историк больше понятен профессионалам, чем широкому кругу читателей, которые давно уже захвачены «Курсом русской истории» Ключевского. Человеком, сделавшим понятным наследие Соловьева для общества, Богословский называет Ключевского.

Уловив наметившуюся в 1900–1910-е гг. тенденцию обсуждения влияния Соловьева на Ключевского среди учеников Ключевского⁶³, особенно в связи с вопросом о «школе Ключевского»⁶⁴, Герье сделал очень важное антропологическое наблюдение, которое не решился озвучить публично, но о котором говорил своему окружению и зафиксировал в воспоминаниях, посвященных Соловьеву: «Упомянув о горячем участии Ключевского в торжестве Соловьева, не могу указать о характерном контрасте между учителем и учеником, контрасте, который обуславливался как различием их индивидуальности, так и различием эпох, когда они жили и духом этих эпох. Различие

⁶¹ Богословский М.М. Научное значение работ С.М. Соловьева // Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987. С. 16.

⁶² Там же. С. 22.

⁶³ См., например, статью Любавского: Любавский М.К. Соловьев и Ключевский. М., 1913.

⁶⁴ В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912.

между Соловьевым и Ключевским не ограничивалось тем, что Соловьев искал в излагаемых их фактах присущую им неизменную разумность, тогда как Ключевский обличал проявляемую ими неразумность. Различие между историками шло еще глубже и обуславливалось эпохой их творчества и духом этих эпох. Как подметила одна из усердных слушательниц Ключевского, высоко его ценящая и с участием его навещавшая на смертном одре: «Если Соловьев был историком созидания России, то Ключевский захотел быть историком ее разложения»⁶⁵. Впрочем, судя по всему, это уже были тонкости, понятные лишь избранным интеллектуалам.

Взгляд Герье на Соловьева не получил распространения в университетских кругах. Во многом Герье предлагал задуматься над национально-религиозными особенностями мировоззрения Сергея Михайловича, представлял его как мыслителя, пытавшегося повлиять на русское общество, что было редкостью в мемориальной литературе о нем. Среди московских историков возобладал другой подход — связанный с тем образом Соловьева, который транслировал для заинтересованных читателей Василий Осипович Ключевский. В передаче Ключевского Соловьев в первую очередь предстал как особый тип профессора Московского университета, крупный исследователь русской истории, прежде всего — новой истории России.

На примере коммеморативных текстов представителей разных поколений сообщества московских историков видно, что память о Соловьеве была довольно устойчивой до конца 1900-х гг. После 1911 г., ставшего годом смерти В.О. Ключевского, для русских историков центральной фигурой в жизни дореволюционного университета постепенно становился Василий Осипович Ключевский⁶⁶. На кафедре всеобщей истории «гением места» по-прежнему оставался Т.Н. Грановский. Попытка Ключевского актуализировать опыт Соловьева для разных поколений универсантов, показав разные аспекты творчества историка, оказалась усвоенной не до конца. В сообществе московских историков Соловьева, как и Грановского, воспринимали как представителя той эпохи в исторической науке, в которой господствовали энциклопедизм и всемирно-историческая точка зрения. Признавалось воспитательное значение лекций Соловьева для многих поколений универсантов и завоевание им авторитета для научных

⁶⁵ Герье В.И. Юбилей С.М. Соловьева... С. 212.

⁶⁶ См.: Гришина Н.В. «Школа В.О. Ключевского» в исторической науке и российской культуре. Челябинск, 2010; Богомазова О.В. В.О. Ключевский: актуализация памяти об историке в коммеморативных практиках научного сообщества XX века // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII — начала XXI веков: сборник статей / Под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой. Челябинск, 2011.

занятий историей в общественном поле. Однако в исторической памяти о Соловьеве явно не доставало сведений о каких-то аспектах личности историка, его реальной связи с учениками. Вспоминающие не могли задействовать мотив сопереживания историку. В коммеморативных текстах практически отсутствуют данные о частных разговорах с Соловьевым, его завещания последователям, передача личного опыта ученикам.

Аскетизм и жертвенность историка, его научный и личный подвиг в деле создания огромного исторического нарратива немного поблекли на фоне большого объема монографий по русской истории, которые стала появляться на рубеже веков и гораздо более серьезно влияли на исследовательские ценности нового поколения историков. Не очень понятно определяли представители московского сообщества историков и адресата трудов Соловьева. Герье говорил о важности «Истории» для формирования самосознания русского общества в 1860–1870-е гг., но в 1900-е гг. роль важнейшего общего труда по русской истории для русского общества начал играть «Курс русской истории» Ключевского, в котором, по мнению Герье, слишком сильно просматривалась индивидуальность автора, который был историком разложения России в отличие от С. М. Соловьева. Однако и определенный консенсус относительно Соловьева в сообществе московских историков сложился. Так, представители московских историков сходились на том, что историк не должен бояться вопросов современности, закрываться в башню из слоновой кости от запросов общества. Традицией, идущей от Соловьева, представители сообщества московских историков считали изучение нового периода русской истории, что было не характерно для петербургской школы исследователей, всячески избегавшей приближения к современности.

References

Bogomazova O.V. V.O. *Klyuchevskiy: aktualizatsiya pamyati ob istorike v kommemorativnykh praktikakh nauchnogo soobshchestva XX veka* [V.O. Klyuchevsky: Actualizing the Memory of the Historian in the Commemorative Practices of the Scientific Community in the 20th Century] // *Istoriya i istoriki v prostranstve natsional'noy i mirovoy kul'tury XVIII — nachala XXI vekov: sbornik statey* [History and Historians in the Space of National and World Culture in the 18th – Early 21st Centuries: Collection of Articles] / Ed. by N.N. Alevras, N.V. Grishina, Yu.V. Krasnova. Chelyabinsk: Entsiklopediya, 2011. P. 303–314.

Cherepnin L.V. *S.M. Soloviev kak istorik* [S.M. Soloviev as Historian] // *Soloviev S.M. Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [History of Russia from Earliest Times]. In 15 vols. Vol. 1. Parts 1–2. Moscow: Sotsekgiz, 1959. P. 5–51.

Grishina N.V. “*Shkola V.O. Klyuchevskogo*” v istoricheskoy nauke i rossiyskoy kul'ture [“School of V.O. Klyuchevsky” in Historical Science and Russian Culture]. Chelyabinsk: Entsiklopediya, 2010. 288 p.

Ivanova T.N. *Nauchnoye naslediyе V.I. Ger'ye i formirovaniye nauki vseobshchey istorii v Rossii (30-ye gg. XIX — nachalo XX veka)* [Academic Heritage of V.I. Guerrier and the Formation of the Science of World History in Russia (the 1830s — Early 20th Century)]. Cheboksary: Izdatel'stvo Chuvashskogo universiteta, 2010. 382 p.

Kolesnik I.I. *I.D. Belyayev o geograficheskom faktore v “Istorii Rossii” S.M. Solovieva* [I.D. Belyaev about the Geographical Factor in the *History of Russia* by S.M. Soloviev] // *Nekotoryye voprosy otechestvennoy istoriografii i istochnikovedeniya: Sbornik nauchnykh trudov* [Some Issues of National Historiography and Source Studies: Collection of Academic Works]. Dnepropetrovsk: DGU, 1977. P. 92–101.

Kolesnik I.I. *M.P. Pogodin ob “Istorii Rossii” S.M. Solovieva* [M.P. Pogodin about the *History of Russia* by S.M. Soloviev] // *Nekotoryye problemy otechestvennoy istoriografii i istochnikovedeniya: Sbornik nauchnykh trudov* [Some Issues of National Historiography and Source Studies: Collection of Academic Works]. Dnepropetrovsk: DGU, 1976. P. 98–103.

Kolesnik I.I. *Rodovaya teoriya S.M. Solovieva v otsenke K.S. Aksakova* [S.M. Soloviev's Gens Theory in the Assessment of K.S. Aksakov] // *Nekotoryye voprosy otechestvennoy istoriografii i istochnikovedeniya: Sbornik nauchnykh trudov* [Some Issues of National Historiography and Source Studies: Collection of Academic Works]. Dnepropetrovsk: DGU, 1977. P. 73–82.

Korzun V.P., Kolevatov D.M. *Memorial'nyye i yubileynnyye sobytiya v zhizni nauchnogo soobshchestva kak kul'turnyye praktiki samoidentifikatsii* [Memorial and Anniversary Events in the Life of the Scientific Community as Cultural Practices of Self-Identification] // *Kul'tura i intelligentsiya Rossii: Innovatsionnyye praktiki, obrazy goroda, yubileynnyye sobytiya, istoricheskaya pamyat' gorozhan. Materialy VII Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, posvyashchennoy 35-letiyu osnovaniya OmGU imeni F.M. Dostoyevskogo* [Culture and Intelligentsia of Russia: Innovative Practices, Images of the City, Anniversary Events, Historical Memory of Citizens. The Acta of the 7th All-Russian Scientific Conference with International Participation, Dedicated to the 35th Anniversary of F.M. Dostoevsky Omsk State University]. Omsk: Izdatel'stvo OmGU, 2009. P. 197–200.

Kotov A.E. “*Delo professora Lyubimova*”: vlast' i obshchestvo v bor'be za universitet [“Professor Lyubimov's Case”: Power and Society in the Fight for the University] // Kotov A.E. “*Tsarskiy put*” Mikhaila Katkova. *Ideologiya byurokraticheskogo natsionalizma v politicheskoy publitsistike 1860–1890-kh godov* [The *Tsar's Way* by Mikhail Katkov. The Ideology of Bureaucratic Nationalism in Political Journalism in the 1860s–1890s]. Saint Petersburg: Vladimir Dal', 2016. P. 91–134.

Kuchurin V.V. *Zhizn' i tvorchestvo S.M. Solovieva v otechestvennoy istoriografii* [The Life and Works of S.M. Soloviev in Russian historiography] // *Otechestvennaya kul'tura i istoricheskaya mysl' XVIII–XX vv.: sbornik statey i materialov* [National

- Culture and Historical Thought in the 18th–20th Centuries: Collection of Articles and Materials]. Issue 5 / Ed. by A.M. Dubrovskiy. Bryansk: MO “IS”, 2019. P. 5–29.
- Lovshin D.M. *T.N. Granovskiy (Opyt istoricheskogo sinteza)* [T.N. Granovsky (An Attempt at Historical Synthesis)]. Saint Petersburg: A.S. Suvorin, 1902. 244 p.
- Polanyi M. *Lichnostnoye znaniye* [Personal Knowledge] / Trans. from English. Moscow: Progress, 1985. 344 p.
- Sakharov A.M. *Istoriya Rossii v trudakh S.M. Solovieva* [The History of Russia in the Works by S.M. Soloviev] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 8. Istoriya. 1971. № 3. P. 73–87.
- Shakhanov A.N. *Russkaya istoricheskaya nauka vtoroy poloviny XIX — nachala XX veka. Moskovskiy i Peterburgskiy universitety* [Russian Historical Science in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries. Moscow and Saint Petersburg Universities]. Moscow: Nauka, 2003. 419 p.
- Shchetinina G.I. *Universitety v Rossii i ustav 1884 goda* [The Universities in Russia and the 1884 Charter]. Moscow: Nauka, 1976. 230 p.
- Stankevich A.V. *Timofey Nikolayevich Granovskiy (Biograficheskiy ocherk)* [Timofey Nikolayevich Granovsky (Biographical Essay)]. Moscow: Tipografiya Gracheva i K^o, 1869. 306 p.
- Tsamutali A.N. *Bor’ba techenii v russkoi istoriografii vo vtoroi polovine XIX veka* [The Struggle of Currents in Russian Historiography in the Second Half of the 19th Century]. Leningrad: Nauka (Leningradskoye otdeleniye), 1977. 256 p.
- Tsamutali A.N. *Pervyy tom “Istorii Rossii s drevneyshikh vremen” S.M. Solovieva v otsenke sovremennikov* [The First Volume of the *History of Russia from Earliest Times* by S.M. Soloviev in the Assessment of Contemporaries] // *Istoriya i istoriki: Istorigraficheskiy yezhegodnik*, 1971. Moscow: Nauka, 1973. P. 274–292.
- Tsimbayev N.I. *Sergey Soloviev*. Moscow: Molodaya gvardiya, 1990. 366 p.
- Tsygankov D.A. *Soobshchestvo moskovskikh vseobshchikh istorikov vo vtoroy polovine XIX veka* [The Community of Moscow World Historians in the Second Half of the 19th Century] // *Terra Europa: intellektual’noye prostranstvo moskovskikh istorikov vtoroy poloviny XIX veka* [Terra Europa: The Intellectual Space of Moscow Historians in the Second Half of the 19th Century]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2014. P. 11–176.
- Tsygankov D.A. *T.N. Granovskiy v kommemorativnoy praktike soobshchestva moskovskikh istorikov* [T.N. Granovsky in the Commemorative Practice of the Community of Moscow Historians] // *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*. Series 2: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. 2020. Vol. 93. P. 57–76.
- Vetrinskii Ch. (Cheshikhin V.E.). *T.N. Granovskiy i yego vremya: Istoricheskiy ocherk* [T.N. Granovsky and His Time: A Historical Sketch]. Moscow: Tipolitograficheskoye tovarishchestvo I.N. Kushnerev i K^o, 1897. 319 p.

Поступила в редакцию
15 июня 2020 г.